

В семье Сакамото распределение ролей заключалось в том, что моя мать готовила завтрак и обед по будням, а я готовил ужин.

Я промыл рис и положил его в рисоварку, очистил картофель и морковь и нарезала их небольшими кусочками. В разгар готовки Идзуми спустилась вниз в своей повседневной домашней одежде – свободной футболке с красной каймой на белом фоне и паре мягких тёмно-синих брюк длиной три четверти.

- Ты готовишь ужин? – спросила она меня, входя на кухню.

Когда я ответил «да», Идзуми сказала:

- Если хочешь, я тебе помогу.

Идзуми начала завязывать волосы в один пучок, обернув розовую резинку для волос вокруг запястья.

P.S : Та картинка, что справа.

Когда она приподняла волосы, в воздухе повеяло мягким запахом, и я отстранился от Идзуми и отвёл от неё взгляд.

- Тогда, могу я попросить тебя нарезать остальные овощи и мясо? А я приготовлю карри и салат.

- Хорошо, – кивнула Идзуми.

Она вымыла руки в раковине, взяла нож и начала нарезать морковь. Я достал из шкафчика кухонные принадлежности и приправы и налил масло в глубокую сковороду, чтобы обжарить мясо.

Когда мы стояли бок о бок на маленькой кухне, наши руки время от времени касались друг друга. Каждый раз мы прекращали готовить и давали друг другу пространство.

- Тётя всегда возвращается домой так поздно? – спросила Идзуми, опытным движением нарезаю овощи.

- Не совсем, но если она задерживается, то приходит обычно ближе к 22:00, но обычно она возвращается к 18:00.

- Понятно. Наверное, они сильно занята, возглавляя отдел. Вот, я нарезала овощи и мясо.

Моя мама работает на среднего размера производителя продуктов питания, и она сказала мне, что недавно её повысили до начальника отдела. Она не трудоголик, но часто общается с людьми из компании, и её жизнь, кажется, по-своему приносит ей удовлетворение.

Я положил мясо, нарезанное Идзуми, в кастрюлю над огнём и обжарил его палочками для еды. Кухня была наполнена белёсым дымом и пикантным запахом жарящегося мяса.

- Кеничи-кун, ты часто готовишь?

- Я готовлю только ужин, потому что я не знаю, когда мама вернётся домой.

- Понятно, - ответила Идзуми.

После обжаривания мяса, добавления овощей и тушения на медленном огне около двадцати минут я добавил порошок карри. Я достал тарелку из буфета со стеклянной дверцей сбоку от кухни и подал рис, затем полил его сверху карри. Я положил капусту и другие овощи, нарезанные Идзуми, на другую тарелку, и ужин был готов.

Также я налил нам два стакана ячменного чая и поставил их на стол. Идзуми распустила свои волосы, и мы сели за обеденный стол лицом друг к другу.

В гостиной было тихо, поскольку мы решили не включать телевизор. Звуки людей, идущих снаружи, и проезжающих машин эхом разносились по дому. Некоторое время мы ели в тишине, и в середине трапезы Идзуми посмотрела на глубокую кастрюлю с большим количеством остатков карри и сказала:

- Похоже, мы приготовили слишком много.

- Мы можем съесть его завтра на завтрак. Это избавит нас от хлопот по приготовлению завтрака.

- А так точно можно?

- Да. Мы всегда так делали в те дни, когда у нас оставалось карри.

- Понятно.

За едой мы почти не разговаривали, но тишина не беспокоила меня так сильно, как при нашей первой встрече. Я был немного удивлён, обнаружив, что уже привыкаю к присутствию Идзуми

в моём доме.

Когда я доел карри, я обратился к Идзуми:

- Я слышала, ты сегодня приготовила для меня завтрак.

Она перестала двигаться и смотрела на меня одними глазами.

- Ах, да...Как тебе?

Чувствуя себя неловко, я ответил:

- Это было восхитительно.

Щёки Идзуми слегка расслабились, и она вздохнула с облегчением.

- Но разве ты не занята ранним утром? Тебе не нужно беспокоиться обо мне.

- Нет. Если делать это вместе, объём работы не увеличится. Мы с тётёй разделяем обязанности по приготовлению пищи. А ещё, мы просыпаемся примерно в одно и то же время.

Я поставил свою посуду в раковину, выложил салат на тарелку, накрыл её полиэтиленовой плёнкой и поставил в холодильник, чтобы оставить маме.

- Идзуми, а кем работает твоя мама?

Я наполнил свой стакан водой, вернулся на своё место и спросил об этом Идзуми.

- Она сказала мне, что работает в торговой компании и в настоящее время импортирует кофейные зёрна.

- Так вот почему она уехала за границу, ха.

- Да. Она сказала, что собирается какое-то время поработать в Южной Америке.

- Хи.

Я потягивал воду из своего стакана, слушая её рассказ. Потом Идзуми спросила меня о моей семье.

- Брат Кеничи-куна - аспирант, верно? Я слышала от тётушки, что он пишет рецензии на книги для журнала, это правда?

- Да. Он пишет для журналов уже около двух лет. Он сказал, что это было под влиянием нашего отца. Папин друг из издательской компании дал ему шанс попробовать, и его сочинение оказалось настолько хорошим, что он опубликовал его в журнале.

- Дядя, он был преподавателем, не так ли?

Зная ситуацию моего отца, Идзуми немного понизила тон.

- Да, он был преподавателем на философском факультете. Я слышал, что он специализировался на французской философии, но он умер прежде, чем я смог выяснить, чем именно он занимался, так что я понятия не имею, какую репутацию имела работа моего отца.

- Понятно, - ответила Идзуми.

Снова воцарилось молчание. Идзуми зачерпнула ложкой остатки карри и съела его, затем сложила руки вместе и сказала:

- Спасибо за еду.

Затем она поставила тарелки обратно в раковину, снова села и открыла рот:

- Я тоже не знаю, что за человек мой отец.

Если подумать, я никогда не слышал о семье Идзуми. Однако у меня была смутная мысль, что в её отце может быть что-то такое, поскольку она пришла в наш дом только потому, что её матери не было дома.

Я думал, что это будет больна для неё тема, но Идзуми, на удивление, начала говорить об этом без колебаний:

- Я слышала, что они поссорились и расстались. Это было, когда я была маленькой, так что я ничего об этом не помню. Я думаю, это потому, что моя мама была своенравным человеком.

- Правда?

- Да. Она очень активна и обожает свою работу. На днях она сказала: «Мой парень - это моя работа».

Идзуми говорила о таких вещах с улыбкой на лице. В её тоне голоса или атмосфере не было ничего подозрительного.

- Она потрясающая.

- Да. Она полная противоположность мне по характеру.

Сегодня нам было о чём поговорить. Покончив с ужином, мы с Идзуми немного поболтали за обеденным столом.

В разгар разговора с Идзуми моя мама вернулась домой, и тогда они начали оживленно разговаривать, так что я вернулся в свою комнату. Вернувшись домой, я принял душ, поскольку я хотел оставить первую ванну Идзуми и решил убить немного времени в своей комнате за чтением книги.

Лежа на кровати, я медленно переворачивал страницы в тишине ночи.

Когда я читаю, я могу сказать, находится ли моё психическое состояние в хорошем или плохом настроении. Когда я чём-то обеспокоен или подавлен, мне трудно следить за словами. Возможно, это было потому, что у меня только что был оживлённый разговор с Идзуми, но сегодня я чувствовал себя очень хорошо.

Примерно через 30 минут чтения я вскоре услышал звук чьих-то шагов, поднимающихся по лестнице. Вслед за этим я услышал звук хлопающей дверь. Думая, что Идзуми вышла из ванны, я взял свежую одежды из шкафчика в своей комнате и направился в ванную.

Когда я снял свою одежду в раздевалке с резиновым полом и положил её в стиральную машину, я вдруг заметил странно мягкую на вид белую ткань в корзине для грязного белья. Сначала я не мог толком разглядеть, что это за мягкая свёрнутая ткань, но потом я узнал, что это были кружевные трусики, и понял это вместе с ощущением электричества, пробежавшего по моему мозгу.

Моё сердце громко подпрыгнуло, и я рефлекторно отвёл взгляд. Молния на сетке для белья была наполовину расстёгнута, и трусики Идзуми, ну... Были на виду.

Освободив свой разум от образа Идзуми, который то появлялся, то исчезал из моего сознания, я протянул руку, стараясь не смотреть прямо на них, поднял свёрнутую ткань, и был удивлён шокирующей мягкостью женского нижнего белья, положил его в настоящую лёгкую сетку для белья. В нём был её полный комплект нижнего белья, и я решительно застегнул его и бросил в стиральную машину.

Затем я громко выдохнул, как будто выпускал весь воздух из груди, снял одежду и пошёл в ванную.

Я вымыл своё тело и с плеском залез в ванну. Капли стекали с моей мокрой чёлки. Моё сердце всё ещё быстро билось.

Чем больше я старался не думать об этом, тем больше образ лица Идзуми и нижнего белья, которое я только что видел, приходил мне на ум, и у меня кружилась голова. Мягкое ощущение белого нижнего белья всё ещё оставалось на кончиках моих пальцев. Взяв пару трусиков девочки моего возраста и положив их в сетку для белья, я почувствовал, что поступил извращённо, вспоминая об этом.

У меня не было никаких скрытых мотивов, сказал я себе, но, словно символизируя то, что я чувствовал, часть моего тела честно продемонстрировала этот пример физиологической реакции.

В моей голове промелькнули слова моего брата:

«Не поднимай на неё руку».

<http://tl.rulate.ru/book/70428/2435457>